

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП В АСПЕКТЕ ЕГО СМЫСЛОВОЙ ИНФОРМАТИВНОСТИ

Л. А. Араева, А. В. Проскурина

Статья посвящена рассмотрению коммуникации как акта “понимания”. Словообразовательный тип представлен в коммуникативном аспекте. Основное внимание уделяется выявлению имплицитных процессов смыслопорождения, влияющих на формирование смысловой многомерности словообразовательного типа.

Ключевые слова: коммуникация, семиотическое пространство культуры, словообразовательный тип.

Существование человека невозможно без знаков и знаковых систем, которыми он пользуется в процессе общения. Коммуникативная функция заключается в способности знаков аккумулировать и передавать информацию, источником которой служит многообразие окружающей действительности. Акт коммуникации предусматривает познавательную активность человека, стремящегося “раскрыть” мир: “Коммуникация — чередование того, что мы знаем, с тем, чего мы не знаем” [11, с. 15]. Ситуация незнания инициирует протекание познавательной деятельности как апперцепционного процесса, проявляющегося в формировании нового представления на базе предшествующего опыта. Включение опыта в структуру познания свидетельствует о его культурной обусловленности, ибо культура — это “знаковая система, концентрирующая человеческий опыт и развивающаяся по законам памяти, когда прошлое не уничтожается и не уходит в небытие, а подвергается отбору и смысловому кодированию, переходит на хранение с тем, чтобы при определённых условиях вновь заявить о себе” [5, с. 22]. “Человек в своей жизнедеятельности определяется не биологическими кодами, а различными типами опыта, зафиксированными и передаваемыми с помощью кодов культуры, в том числе и языка” [8, с. 15]. Язык есть “сгусток семиотического пространства культуры” [5, с. 250], в котором он функционирует. “Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка” [Там же]. Следовательно, если функция культуры состоит в структурной организации мира, то, соответственно, функция языка в ситуации общения — в трансляции культурной информации в форме сообщений, пропозициональных по своей сути. Такое взаимодействие двух семиотических систем — культуры и языка — регламентируется особыми правилами, или нормами. Нормативность реализуется за счёт оппозиций в культурном пространстве, обладающих одинаковыми возможностями быть выбранными языком, что предопределяется обстоятельствами, в которых разворачивается коммуникация, — ситуациями, наделяющими сообщение смыслом.

Языковую коммуникацию через категорию смысла можно рассматривать как “понимание” в аспекте её детерминации интенциональностью сознания культурно-

го субъекта. По словам А. Ф. Лосева, “понять вещь — значит её соотнести с тем или иным её окружением и представить её себе не просто как её саму, но в свете окружения, в свете той или другой вещи или момента из этого окружения” [4, с. 290]. В акте понимания происходит проникновение в ситуации смыслопорождения, символического обмена, участниками которых выступают вещь и инобытие (сознание). В результате “смыслового” общения вещь в сознании приобретает бесконечное множество модусов своего существования, что приводит к образованию разветвлённой системы сцеплений смыслов, получающих пропозициональную репрезентацию на словообразовательном уровне языка, имеющем коммуникативную направленность.

Словообразование как один из механизмов осуществления коммуникации “принимает участие в формировании различных смысловых слоёв высказывания, создавая разные типы словообразовательной семантики” [9, с. 5]. “В силу того, что словообразовательные процессы являются типизированными, строятся по аналогии, а типизация может быть разной степени абстракции — от грамматико-словообразовательной до лексико-словообразовательной” [1, с. 12] — каждый тип словообразовательной семантики отражает определённые виды связей культурно значимых предметов и явлений “осмысленной” культурным субъектом внеязыковой действительности и демонстрирует свойственные сознанию культурного субъекта способы “работы” с ними. Наличие разнонаправленных способов “работы” сознания с той или иной вещью обусловлено аксиологичностью человеческого познания, ориентированного на членение мира с точки зрения категории ценности. Оценивая какой-либо факт действительности, субъект культуры выносит оценочное суждение о нём, выявляющее не только его естественное, не зависящее от человека бытие, но и прагматическую значимость бытия. Иными словами, акт аксиологической деятельности ограничивает сферу возможных ситуаций, в которых потенциально способна участвовать вещь до вхождения в сознание, путём включения её в систему культурно значимых оппозиций. “Оппозиция, держащаяся на различии, — такова структура всякой коммуникации” [11, с. 14]. “Противопоставление и различение заставляют неизвестное всплывать из глубин неведомого” [Там же, с. 15], придавая ему смысловую завершённость. Так как для возникновения смысла необходимо присутствие одного из членов оппозиции и “отсутствие другого становится значимым только в присутствии какого-то присутствия” [Там же, с. 14], то оказывается релевантным говорить о двух типах культурной информации, передаваемой и организуемой в упорядоченную систему языковыми знаками (в т. ч. словообразовательными единицами языка) и получающей развёртывание посредством оценочных суждений: (1) информации эксплицитной, (2) информации имплицитной. Оба типа информации отражают нюансы действия акта семиозиса как механизма формирования культурно-смысловой ёмкости вещи, фиксируемой в смысловой структуре языковых единиц. Однако если эксплицитная информация представляет собой продукт знания, приобретённого и реализованного в определённые, актуальные для субъекта культуры моменты познавательной деятельности, то имплицитная информация — совокупность знаний, которые могут быть реализованы во множестве вариантов потенциально значимых чередующихся ситуаций сознания субъекта культуры. Учитывая одновременное

сосуществование онтологических модусов вещи как реально, так и потенциально значимых в сфере сознания, правомерно выделять этапы становления и взаимодействия субъектно-объектных отношений, обуславливающих реализацию смысловой многомерности словообразовательного типа (далее СТ). Поскольку “в словообразовательном акте так же, как и в оценочном суждении, совершается тот же процесс мыслительной операции и устанавливаются те же причинно-следственные связи между явлениями действительности, как и в любом оценочном высказывании: здесь происходит то же сопоставление и так же даётся логическая квалификация и оценка явлений, подлежащих словообразовательному детерминированию, как и в предикативных конструкциях” [2, с. 8], то целесообразно рассматривать семантическую организацию типа, в нашем случае — СТ “С + – ИН(а)”, как пропозициональную сеть лексико-словообразовательных значений (далее ЛСЗ), несущих разную информативную нагрузку, заданную многоаспектностью семантики мотивирующих единиц.

Мотивирующее пространство отождествляется с совокупностью мотивирующих единиц, гетерогенных по своей семантике, в силу чего участвующих в конкретных культурных ситуациях, что провоцирует их объединение в рамках ценностно значимых семантических категорий: “объекты растительного мира”, “представители животного мира”, “явления природы”, “естественное пространство”, “водное пространство”, “напитки”, “кушанье”, “предметы быта”, “одежда”, “органы и части тела животного, человека”, “времена года”, “положение в пространстве”. Выделенные семантические категории, определяющие смысловые сферы мотивирующего пространства, соответствуют иерархической организации семиотического пространства культуры. Так, категория “объекты растительного мира” в культуре обладает ценностной отмеченностью, потому что растения вовлечены в сферу познавательной и практической деятельности культурного субъекта, являясь носителями социально значимых качеств. Как показывает анализ ЛСЗ в составе словообразовательно-пропозициональных значений (далее СПЗ), из всего многообразия возможных отношений между растениями и людьми в фокус внимания культурного субъекта попадают те “модели общения”, которые актуализируются в ситуациях разной семиотической направленности. Человек выращивает растения для удовлетворения своих потребностей в условиях реальной действительности на отведённом для этого месте, что обуславливает образование дериватов с ЛСЗ “поле, засаженное определённым видом сельскохозяйственных культур” (*ржанина* (Пск., Твер.); *гороховина* (Карел.)). После уборки с полей растения нуждаются в обработке с помощью специального устройства, отсюда наличие дериватов с ЛСЗ “устройство для определённого объекта” (*колосовина* — ряд жердей, на которые укладывали снопы для просушки (Смол.)). Наибольшую ценность для субъекта культуры растения представляют в аспекте их способности служить средством для изготовления чего-либо. Об этом свидетельствует наличие ЛСЗ, объединённых в рамках СПЗ “результат по средству изготовления”: “суп по ингредиенту” (*гороховина* (Карел.)); “каша из определённого продукта” (*горбузятина* — каша из тыквы (Брян.)); “хлеб из определённой муки” (*аржанина* (Свердл.)); “одежда по материалу изготовления” (*коноплянина* (Ср. Урал.)); “обувь по материалу изготовления” (*берестина* (Карел.));

“ткань, изготавливаемая из сырья” (*альнянина* (Смол.)); “посуда из определённого материала” (*берестина* (Приам.)); “предметы быта по материалу изготовления” (*соснина* — лучина (Дон.), *лозина* — ручка из лозы (Нвсб.)); “дрова из определённого материала” — (*березина* (Карел., Смол.)); “помещение по материалу изготовления” (*мшевина* (Перм., Урал.)). В силу того, что объекты природного мира, произрастая в совокупности друг с другом, занимают часть пространства, становится важным словообразовательно маркировать городьбу, построенную около гороха, с помощью деривата *гороховина* (Ср. Урал.). Помимо включения растений в ситуации, характеризующие их бытие, сопряженное с деятельностью человека, ряд ЛСЗ иллюстрирует их участие в ситуациях, обусловленных присущими им свойствами: “естественное пространство по произрастающему на нём объекту” (*мошачина* (Пск.)); “глина по месту расположения” (*ивина* (Яросл.)); “гриб по месту произрастания” (*подореховина* (Подмоск.)); “ботва растений” (*бобовина* (Волог.), *картовина* (Алт.)); “ствол дерева” (*березина2* (Карел.)); “заросли определённого вида деревьев” (*орешина* (Смол.)); “растение, сходное по форме с другим растением” (*грибина* — конец огурца (Пск.)); “часть тела человека, сходная по форме с растением” (*грибьячина* — губа (Брянск.)). Таким образом, смысловая структура дериватов, функционирующих в пределах СТ, — результат работы закона ассоциаций идей, согласно которому “идеи, представления, имеющие что-либо общее, взаимно притягиваются, комбинируются друг с другом” [3, с. 31] и, следовательно, приводят к актуализации пропозиций, один из компонентов которых отражает ракурс осмысления растений в сознании субъекта культуры сквозь призму их ценностной значимости. Мотивирующие единицы, принадлежащие категории “растительного мира”, выполняют функцию *средства, объекта и места* в глубинных структурах, регламентирующих направления процессов смыслообразования и репрезентирующих смысловую ёмкость дериватов: *средство — действие — объект, результат — действие — средство, место — действие — объект (функционально значимый), объект — действие — объект, объект — действие — место (характеризующего типа)*. Каждая из пропозиций, по-разному аспектируя культурно значимые ситуации, уточняет, конкретизирует смысловое содержание образа вещи, соотносимое с определённым состоянием сознания. Так как сознание текуче и “информационный объём и границы мира могут сужаться и расширяться” [7, с. 264], то пропозициональные суждения лишь очерчивают контур развёртывания ситуаций, намекая на наличие в смысловой структуре дериватов находящихся в имплицитном виде отношений, в которые вступают объекты растительного мира с другими объектами и людьми. Информация, извлекаемая из аксиологически ориентированных высказываний, вскрывает потенциальную принадлежность растений к пересекающимся сферам культурного пространства через указание на их взаимосвязь с другими участниками ситуаций. В ситуациях приготовления пищи растения оказываются связанными с продуктами питания и напитками (*брюквина* — похлёбка с брюквой. — “Сделаю вам брюквину, можно с маслом” (Пск.); *тыквина* — плод растений семейства тыквенных. — “Из неё варили, пирожки стряпали” (Свердл.); *горбузятина* — пшённая каша с тыквой. — “Горбузятина — горбузы с пшеном варили, наливали молоко” (Брян.)).

В ситуации пошива одежды растения участвуют совместно с лицом, для которого она предназначена (*коноплянина* — одежда из конопляного холста. — “Коноплянина была, мужики носили” (Волог.). В ситуации изготовления предметов быта растения устанавливают отношения с предметами быта (*березина* — полено из берёзы. — “Деду, что в ум взбрeдeт, то и делает, вон каку березину в печь притащил” (Карел., Смол.)), с овощными культурами (*берестина* — берестяная посуда. — “Лук солили в берестине” (Приамур.)), с постройками (*берестина* — мочалка. — “С берестины мыли избы” (Карел.)), с насекомыми (*липина* — липовое бревно, палка. — “Лежит куча липин. Подай-ка лучину, комаров отгоню” (Смол.)), с частями тела животного (*лозина* — ручка из лозы на рукоятке косы. — “Лозина — маленькая ручка из лозы, привязывали к пупку” (Нвсб.)). В ситуации обработки растений значимой становится их соотнесённость с различными приспособлениями (*колосовина 2* — ряд жердей, на которые укладывали снопы для просушки. — “Вырыли яму, ставили печку, рядом делали настил из жердей. На эту колосовину клали снопы и сушили” (Смол.)), с животными и птицами (*колосина* — отходы после обмолотки зерна. — “Колосину-то скотине кормили; она с зёрнышками, их курицы выгребут (Карел.).

Таким образом, словообразовательный тип, аккумулируя и транслируя культурно значимую информацию, являет собой пространство осуществления коммуникации между вещью и сознанием человека, организуемое посредством системы реализованных и потенциальных смыслов. Представленное в статье направление исследования семантического наполнения словообразовательного типа особенно значимо при изучении русского языка иностранцами.

Список литературы

1. Араева Л. А. Истоки и современное осмысление основных проблем русского словообразования // Лингвистика как форма жизни. — Кемерово, 2002. — С. 4 – 24.
2. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). — М., 1998. — 236 с.
3. Крушевский, Н. В. Избранные работы по языкознанию. — М., 1998.
4. Лосев А. Ф. Имя вещи // А. Ф. Лосев Бытие. Имя. Космос. — М., 1993. — 957 с.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. — СПб., 2000. — 704 с.
6. Мамардашвили М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. — М., 1997.
7. Переверзев К. А. Пространства, ситуации, события, миры: к проблеме лингвистической онтологии // Логический анализ языка. Языки пространства. — М., 2000. — С. 255 – 267.
8. Пигалев А. И. Культура как целостность (методологические аспекты). — Волгоград, 2001. — 462 с.
9. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования (русское производное имя). — Томск, 1996. — 218 с.
10. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы В. фон Гумбольдта. — М., 2003. — 217 с.
11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб., 1998. — 432 с.

Араева Л. А., Проскурина А. В. Словотворчий тип в аспекті його змістової інформативності.

Стаття присвячена розгляду комунікацій як акта розуміння. Словотвірний тип показується в комунікативному аспекті. Основна увага приділяється виявленню імпліцитних процесів смислопородження, впливаючих на формування смислової багатомірності словотворного типу.

Ключові слова: комунікація, семіотичний простір культури, словотвірний тип.

Araeva L. A., Proskurina A. V. Word-formation type in aspect of its semantic informativity.

This report considers communication as an act of “comprehension”. The wordformational type is presented in communicative aspect. In the focus of our attention is the investigation of implicit processes directed to genesis of the meanings and that influence forming semantic difficulty of wordformational type.

Key word: communication, semiotic sphere of culture, wordformational type.

Стаття поступила в редакцію 09 ноября 2006 г.